

О ТОМ, КАК ГОГОЛЯ «ПОПРАВИЛИ»

У ГОГОЛЕВСКОЙ «Женитьбы» большая и славная история на русской сцене. Пожалуй, именно поэтому старая пьеса классического репертуара сегодня требует от режиссера свежести и новизны сценического прочтения.

Однако случается, что это стремление к новизне подчас приводит к обратному результату. К сожалению, это случилось с уважаемым театром Советской Армии, выбравшим комедию Гоголя для своей новой постановки. В погоне за нешаблонностью сценической формы режиссер — дипломник ГИТИСа А. Разинкин погрешил против смысла пьесы, не выполнив своей миссии посредника между автором и зрителем.

Недоумение зрителя начинается с первых минут спектакля. Вот Подколесин зовет своего слугу Степана, и начинается известный диалог о фраке, заказанном по случаю возможных перемен в жизни героя. И сразу становится ясно, что для артистов С. С. Кулагина и А. И. Миронова несложный, но важный смысл диалога — задача второстепенная, а главное — стремление всячески обыграть комизм столкновения праздной словохотливости барина и недовольства заспанного слуги. Внимание зрителя акцентируется не на характере Подколесина, а на *мимом* конфликте собеседников.

С самого начала режиссером не был правильно определен игровой стержень спектакля. Намеренно или невольно игнорируя драматургический принцип пьесы, Разинкин поставил «Женитьбу» не как комедию характеров, а как комедию интриги. Именно поэтому перед зрителями возвысился лубочно разрисованный занавес, появились вставные интермеди, как видно, призванные, по замыслу режиссера, придать спектаклю ритм, зазвучала музыка, не вязущаяся с гоголевской темой.

Главное же — определился тот усиленный нажим на обыгрывание сюжета и показную внешнюю выразительность образов без заботы об их внутреннем содержании, который следовало бы назвать дурным вкусом, если бы не было ясно, что беда — в ошибочности самого режиссерского замысла.

Пьеса потеряла социальную остроту. Картина нравственного распада личности поблекла на сцене театра Советской Армии острота комедии великого художника. Если бы режиссером руководило стремление выявить логику гоголевских характеров, то он не допустил бы в своем спектакле погрешностей, число которых столь велико, что нет возможности их перечислить.

В всяком случае он, верно, отказался бы от беззкусной выдумки с сентиментальным букетиком цветов в руках несравненного Балтазара Балтазаровича, и заслуженный артист РСФСР Р. И. Ракитин, добросовестно отыгравший замысел постановщика, мог бы показать зрителю далеко не безобидную сущность своего героя. Возможно, что энергия и спешка Кочкарева получили бы не только поверхностное решение в активной жестикуляции и беготне П. Вишнякова, но и в тщательно продуманной работе над богатым текстом роли. Возможно, что купец Старикин и тетка Агафья Тихоновны не оказались бы противопоставленными основным героям, словно Гоголь передал им пафос своего авторского обличения. Иными словами, театру удалось бы сохранить сочный гоголевский язык, был бы восстановлен в своих правах удивительный гоголевский комизм. Чтобы рассмешить, в пьесе Гоголя нет необходимости ставить героиню на голову на старой купеческой кушетке.

Подобные режиссерские фокусы бледнеют перед комизмом самого нравственного облика Агафьи Тихоновны.

Если бы актриса Н. Белобородова, удачно, хотя и несколько однообразно передающая на сцене фантастическую наивность молодой купчихи, ее страстное стремление к замужеству и забавную искренность душевных затруднений, подчеркнула бы и глупость, невежественность, тупоумную ограниченность своей героини, то ее Агафья Тихоновна органически бы вошла в подлинно гоголевский спектакль «Женитьба», каким он должен был бы быть и каким он, к сожалению, пока не стал.

К. ПОТАПОВА.

10.VI.59

Московский театр